

А. ВОСТОКОВ, В. КЮХЕЛЬБЕКЕР, Е. РОЗЕН, Ф. ТЮТЧЕВ,
Н. ОГАРЕВ, Н. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ, А. ТОЛСТОЙ

НЕИЗДАННЫЕ ПЕРЕВОДЫ ИЗ ГЕТЕ

Печатаемые ниже переводы и подражания различных авторов по той или иной причине остались в свое время неопубликованными и выпали из истории русской поэзии и поэтического усвоения Гете. Мы публикуем их как новые материалы, освещающие судьбу Гете в русской поэзии XIX века.

I. А. Х. ВОСТОКОВ (1781—1864)

Переводы «Моей богини» и «Ифигении в Тавриде» печатаются по рукописям архива Академии Наук («Бумаги Востокова»). Обе рукописи беловые, с незначительными исправлениями. К «Моей богине» имеется черновик с вариантами. Рукописи подготовлены к печати В. Жирмунским.

Согласно указанию В. И. Срезневского («Заметки А. К. Востокова о его жизни» в «Сборнике Отделения Русского Языка и Словесности Академии Наук», т. 70, 1901 г., стр. 102) перевод «Моей богини» был прочитан в «Вольном обществе» 28 декабря 1811 г., а перевод «Ифигении в Тавриде» — 9 июня 1811 г.

МОЯ БОГИНЯ

Которой из Богинь воздать всех больше честь?

Ни с кем не споря я, хочу ее принести

Одной из них, всегда пременчивой и новой

Любимой дочери Зевеса, чудотворной

Фантазии. — Он ей

Не как другим богам, все прихоти прощает,

Какие только сам себе не запрещает.

Отцову эта дочь утеху составляет.

И милы все ему причуды в ней:

В венке ли розовом цветущими лугами

Пойдет она, держа лилейный скипетр свой

Повелевает мотыльками

И ко цветкам прильнув пчелиными губами

Медвяною питается росой.

Или—власы свои развеявши по ветру

Имея мрачный дикий взор

Блуждает по стремнинам гор,—

Тысящцветно

Переливаясь от света в тень,

Меняся как ночь и день

Как лик луны серебристый ущербляясь

И в разных разных нам видах являясь.

Восхвалим древнего отца
 Высокого небес владыку,
 Что улаждающу сердца
 Отраду нам послал толику,
 И сей нетленной красоте
 Велел быть смертному супругой,
 При радости и при беде
 Ввек неотлучною подругой!
 Ущедрил сим Олимпа царь
 Род человеческий единый
 Беднейшая вся проча тварь
 На лоне матери Земли чадообильной
 Ярмом угнетена
 Потребности всесильной
 Живет для пищи и для сна,
 Пасется, смутные имея наслажденья
 И смутну скорбь,—рабы текущего мгновенья.
 А нам он радуйтесь! сию
 Послал досужую и ловкую, свою
 Изнеженную дочь.—Теките к ней с любовью,
 Как к милу другу своему,
 Пусть будет госпожей в дому
 И чтоб от Мудрости, от старья свекрови,
 Любезну ангелу сему
 Не видеть огорчений!
 Но знаю я ее сестру,
 По старее и по степенней;
 С которой жить хочу, с которой и умру.
 Я ею к благу понуждаюсь,
 Мне с нею легче всякий труд,
 Объемлюсь ею, утешаюсь,—
 Н а д е ж д о ю ее зовут.

ПЕРЕВОД ДВУХ ЯВЛЕНИЙ ИЗ ГЕТЕВСКОЙ ИФИГЕНИИ РАЗМЕРОМ ПОДЛИННИКА

NB. Подлинник писан ямбическим пятистопным стихом древних Трагедий. Я старался в переводе соблюсти оный, позволяя себе однако в местах и шестистопные и четырехстопные стихи и другие вольности, как то: окончания стихов Дактилем вместо Ямба. Эти неисправности, ежели их так назвать угодно, можно будет при второй отделке исправить; теперь я более должен был думать о соблюдении смысла и красот подлинника, которые выразить—всякой знает, сколь трудно переводчику, а особливо с такого краткословного языка, каков немецкий, на такой протяжнословный язык, каков наш Русской. При сих трудностях не почел я за нужное задавать себе еще лишнюю трудность, какую не был стеснен и Гете; т. е. александрийские стихи с рифмами.

ИФИГЕНИЯ В ТАВРИДЕ

Трагедия соч. Гете.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

И ф и г е н и я
То а с, Царь Тавридан
О р е с т
П и л а д
А р к а с

Действие в роще пред Дианиным храмом.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

И ф и г е н и я

Под сень твоих колеблемых ветвей,
О древня, густолиственна дубрава,
Как в тихое святилище Богини,
Еще поныне с трепетом вхожу,
Как бы впервые—и не может
Обжиться и обвыкнуть здесь мой дух.
Уж столько лет меня в сокрытии держит здесь
Святая воля, ей же покоряюсь;—
Но все еще я здесь как в первый год чужда.
От милых бо, увы! отделена я морем,
И на берегу по целым дням стою,
Летя душой ко Греческой земле;
Ах! и на вздохи все в ответ мне чрез пучину
Глухошумящий токмо отзыв волн.
Как горестно тому, с родными кто в разлуке,
Витают одинок! ему тоска
И близких радостей не даст вкусить:
Он мыслию не здесь а там,
В родительском жилище, где впервые
Взглянул на свет, в невинных где играх
Рождались связи сверстничества, дружбы.
С Богами не судиться мне; но лзя ль
Об женской участи не пожалеть!
Муж властвует везде, в дому, на рати,
И в чуждых он странах помочь себе умеет,
Стяжает собственность, венчается победой
И честную приемлет смерть.
А женщин счастье как стеснено!
Уже суровому повиноваться мужу
И долг велит и сердце; что ж, когда
Враждебной брошено судьбой в чужие люди
Творенье слабое? Не вдвое ли бедней!..
Так здесь меня Тоас великодушный
В священных, строгих узах рабства держит.
Стыжусь признаться, что тебе, Богиня,
Служу я с внутреннею неохотой,
Тебе, Защитнице моей! Желала б я
Жизнь посвятить тебе мою непринужденно.
Надеялась всегда я непреложно,

Надеюсь и теперь, Диана! на тебя,
 Что приняла меня, трепещущую жертву,
 Великого царя, оставленную дочь,
 На кроткое твое святое лоно.
 Так, дочь Зевесова! Как если привела
 Со славой ты в отечество обратно
 Богоподобного Агамемнона,
 Его же ты надмеру наказала,
 На жертву дочери потребовав,—и он
 Дражайшее свое принес тебе на жертву!
 Как если ныне ты за то ему
 Супругу соблюла, и сына и Электру,
 Сии первейшие сокровища;—то даруй
 Обратно и меня родным моим,
 И коль от смерти ты избавила меня,
 Избавь от здешней жизни, той же смерти.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

И ф и г е н и я. А р к а с.

А р к а с

Меня послал с благим приветом царь
 К Дианиной священнице. В сей день
 Благодарение за новые победы
 Таврида принести спешит своей Богине.
 Предпослан я сказать, что царь идет
 И воинство за ним.

И ф и г е н и я

Готовы мы

Принять их благолепно, и воззрит
 Богиня наша милостивым оком
 На жертвы, ей угодны от Тоаса.

А р к а с

О, если бы и взор достойно чтимой жрицы,
 Твой взор, святая дева, я обрел
 Довольнее и радостнее ныне,
 Спасительный нам признак всем!
 Еще душа твоя печалью неизвестной
 Помрачена; и сколько лет ты здесь—
 Еще доверчивых мы не слыхали слов,
 В которых бы твое нам говорило сердце.
 Я сколько крат ни приходил сюда,
 Всегда в тебе сей взор меня страшаший;
 И крепко, как в веригах бы железных
 Закована в груди душа твоя.

И ф и г е н и я

Как должно изгнанной и сироте.

А р к а с

Изгнанницей себя и сиротою
 Ты считаешь здесь?

И ф и г е н и я

Страна чужая

Нам может ли отчизну заменить?

Ифигения в Тавриде

Тирадезия. акт. V.

*

Исходящий лица

Ифигения

Моисей, Царь Тавриды

Орест

Пиллад

Царь

Исходящий в роут перед Тимонидом, краков

Исходящий первое

Исходящий первое

Ифигения

Подступил твой колесничник вставил
О дубня, източившая дубравы,
Какъ въ твое святилище богини,
Еще повисятъ съ трепещомъ вверху
Кладъ въ вѣрвьяхъ — и не можетъ
Обраться и обвѣнчаною женою
Уже стократно мнѣ въ сокровищахъ державы
Свѣтлая воля, ея же побужденіе,
Но все еще я ждалъ какъ въ первый разъ брата
Отъ пеленъ бо, чтобъ смѣлена я порчила,
И на спелу почитаній днѣхъ свое,
Лета душой ко Цареской Зѣлти.

А р к а с

А ты отлучена отчизны?

И ф и г е н и я

Я об ней-то

Тоскую день и ночь. Еще отроковицу
 В те годы, как привязанность сердечна
 Усиливаться начинает в нас
 К родителям и к кровным,—и когда
 Младые отрасли стремились дружно
 От корня старых древ подняться выпреть,
 Тогда к несчастью вдруг меня постигло
 За чуждую вину Проклятие...
 От милых отняло, и медною рукою
 Прекраснейший союз расторгло.—Отцвела
 Беспечной молодости лучша радость,
 Надежды лестные в ничто обращены.
 Сама лишь я себе как тень осталась;
 И прежней живости ничем не воскресить.

А р к а с

Когда ты столь себя несчастной называешь,
 Позволь же мне еще назвать тебя
 И несколько неблагодарной—

И ф и г е н и я

Я

Всегда являла благодарность вам.

А р к а с

Не искреннюю, не такую,
 Которая благоденью служит
 Наградою—не тот веселый взор
 Которым гость хозяину являет
 Довольну жизнь, радеющее сердце.
 В то время как таинственной судьбой
 Приведена была к сему ты храму,
 Тоас тебя как богом данную
 Благоговейно и усердно встретил.
 Сей брег тебе одной приязнен был и мирен,
 Дотоле всем пришельцам столь ужасный:
 Из них кто заходил на оный, до тебя,
 Тот пред Дианиным святым кумиром
 По древнему поверию должен был
 Пасть непременно жертвою кровавой.

И ф и г е н и я

Жить—есть не только что дышать свободно.
 Сколь бедная та жизнь, которую я здесь
 В святилище—как тень над собственной могилой—
 Влачу во скуке? То ли назову
 Веселым и полезным бытием,
 Когда нас каждый день празнотекущий, сонный
 Приготовляет к темным оным дням
 Что празднуют на Летиных брегах
 В самозабвении усопших скучны лики?
 Жизнь бесполезная есть ранняя смерть;

Сию-то участь женщин я всех боле
Изведала.

А р к а с

Что недовольна ты
Собой, прошу тебе столь благородну гордость,
Колико мне не жаль тебя; она
Тебе мешает жизнью наслаждаться.
Ты разве ничего не сделала еще
С прибытья твоего сюда? А кто же
Цареву мрачну мысль рассеял, разъяснил?
Кто древний тот обычай лютый,
Чтоб кровию пришельцов обагрять
Дианин жертвенник—год от году умел
Воздерживать кротчайшим убеждением?
И пленных свободив от верной смерти,
Столь часто во отчизну отсылал?
Диана не сама ли вместо гневу
За опущение кровавых прежних жертв,
Молитву кроткую твою прещедро
Услышала? Не беспрестанно ль ныне
Сопутствует победа нашим воям
И даже предлетит?—Не каждый ли из нас
Довольнее стал жребием своим
С тех пор как царь, столь долго бывший нам
Премудрый токмо вождь и храбрый, от тебя
И милосердью научается,
И поданным своим дарует льготу?
Ты это бесполезным называешь?..
Коль от тебя на тысячи людей
Лится бальзам утешения;
Коль счастья нового источником ты стала
Народу, коему дана богами ты;
Коль брошенным сюда несчастным чужеземцам,
На бреге смерти негостеприимном,
Готовишь ты спасенье и возврат?

И ф и г е н и я

Содеянное кажется все малым
Тому, кто видит, сколько впереди
Еще осталось совершить ему.

А р к а с

Но ты похвалишь ли того, кто не ценит
Своих деяний?

И ф и г е н и я

Тот достоин порицанья
Кто вес дает своим деяниям.

А р к а с

И тот кто истинных в себе достоинств
Из лишней гордости, не хочет видеть,
Подобно как и тот, кто ложными гордится
Достоинствами.—О! поверь мне, не отринь
Моих советов искренних, усердных:
Коль царь сегодня вступит в речь с тобой,

Будь ласковой, и облегчи ему
Что он тебе намерен объявить.

И ф и г е н и я

Ты с каждым словом мне вселяешь новый страх,
Хоть чувствую, что мне добра желаешь;
С трудом уже я часто отклоняла
Царево предложение.

А р к а с

Подумай

О следствиях, о пользе твоего
Поступка. Царь, с тех пор как сына он лишился,
Немногим верит уж из приближенных
И сим немногим меньше прежнего.
Он с недоверчивостью смотрит
На сына каждого вельможи
Как на преемника престолу своему;
Боишься, чтоб на старости не быть
Оставленным и беспомощным; даже
Боишься может быть и мятежа
От дерзновенных,—и кончины злой.
В витийстве хитром Скифы не горазды
А паче царь, обыкший искони
Повелевать и действовать всевластно.
Он не умеет речь свою вести
С нарочным умыслом, искусно, издалеча.
Не затрудняй же оной ты ему
Строптивым, отрезающим ответом
И недоразумением притворным;
Но снисходительно пойми его сама
На половине речи—сократи
Ему дорогу объясненья.

И ф и г е н и я

Мне ускорить самой грозящу мне невзгodu?

А р к а с

Супружество его тебе гроза?

И ф и г е н и я

Оно страшнее для меня всех гроз.

А р к а с

Ты на любовь его ответствуй токмо
Доверенностью.

И ф и г е н и я

Пусть он прежде

Отымет страх от сердца моего.

А р к а с

Почто таишь пред ним свое происхождение?

И ф и г е н и я

Священнице приличествует тайна.

А р к а с

Ничто бы тайной быть не должно для царя;
И он хотя не требует, однако
Он чувствует и чувствует глубоко
В своей душе великой, что пред ним
Ты тщательно себя скрываешь.

И ф и г е н и я

Он за то

Не огорчен ли на меня?

А р к а с

Почти.

Хотя он о тебе молчит; но я из разных
Промолвленных им слов, заметил что
В нем поселилося желанье непременно
Владеть тобой. Ах, не оставь его
На произвол движений собственных!
Дабы неудовольствие в нем выше
Не возросло—и следствия ужасны
Не принесло тебе, и ты бы поздно уж
Не каялась, что мой пренебрегла совет.

И ф и г е н и я

Как, разве помышляет царь о том,
О чем бы ни один благорожженный муж
Не должен думать, если честь ему
Мила и естли он богов боится?
Насильственно он хочет влечь меня
От алтаря на одр свой? О! тогда
Всех призову богов, и первую Диану,
Ревнующее к правде Божество;
Она меня, священницу, конечно
И деву, дева же, охотно защитит.

А р к а с

Спокойся! Не младая буйна кровь
В царе кипит, чтоб стaлось от него
Такое сродное лишь юношеству дело.
Из слов его усматриваю я
Жестокое намеренье иное
Которое он непременно
Исполнит, ибо тверд и непреклонен он.
И так прошу тебя, явись к нему
Хотя доверчива и благодарна
Когда не можешь быть склонна.

И ф и г е н и я

Скажи,

Скажи, что далее тебе известно?

А р к а с

Узнай от самого царя. Я вижу, он
Сюда уже идет; ты чтишь его,
И сердце собственно тебе повелевает
С ним ласковой и искренею быть.
Над мужем благородным много может
Жена одним умильным, добрым словом.

И ф и г е н и я (одна)

Хотя не знаю как последовать
Советам верного сего,—но буду
Охотно исполнять свой долг, чтоб за цареву
Добро ко мне, платить хоть добрым словом.
О если бы при том я сильному могла
Сказать угодное, и правду не обидеть!

II. В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕР (1797—1846)

Стихотворение В. К. Кюхельбекера «Ницца» печатается по тетради с его стихотворениями, хранящейся в рукописном отделении Института Русской Литературы Академии Наук. Рукопись представляет черновик с большим числом исправлений. Кюхельбекер писал начерно на лицевой стороне страницы и некоторые строфы в исправленном виде переписывал на оборотной стороне предшествующей страницы, налево от черновика. Стихотворение находится на лл. 77 об.—79 об.; следующий лист, на котором повидимому было окончание, вырван из тетради. На основании этой рукописи В. Н. Орлову удалось отыскать печатный текст стихотворения, до сих пор ускользавший от внимания издателей Кюхельбекера. Он озаглавлен «К Гете» и подписан *—(см. «Московский Телеграф» 1826 г., ч. XI, отд. 2, стр. 3—5). Текст «Московского Телеграфа» включает полностью строфы, отсутствующие в оторванных частях черновика (в нашей публикации они взяты в квадратные скобки) и обнаруживает ряд разночтений, из которых наиболее значительное—в заглавии. По цензурным соображениям во второй строфе стихи 3—4 заменены тире, а в шестой строфе в стихе 8-м слово «вольность»—словом «радость». Возможно, что в основе печатного текста лежит другой рукописный вариант; во всяком случае сам Кюхельбекер не мог принимать участия в издании стихотворения, так как находился в это время в крепости.

Кюхельбекер прибыл в Ниццу 1 марта 1821 г. (см. «Дневник Кюхельбекера», Л., 1932 г., стр. 340). В марте—апреле 1821 г. произошла Пьемонтская революция, которая описана в конце стихотворения. Восстание, подготовленное карбонариями, началось 10 марта 1821 г. 12 марта восставшие заняли Турин и провозгласили конституцию. 13 марта король Виктор-Эммануил отрекся от престола в пользу своего брата Карла-Феликса. Однако последний не признал конституции и двинулся во главе австрийского войска против восставших. 8 апреля революционные войска во главе с Санта Розой были разбиты австрийцами при Новаре. Была восстановлена абсолютная монархия, участники революции, не успевшие бежать, были казнены или приговорены к долгосрочному тюремному заключению; при расправе пострадало много невинных. «Ненавистные Тудески», упоминаемые Кюхельбекером,—австрийцы (по-итальянски «tedeschi»)—немцы).

Кюхельбекер вернулся в Россию осенью 1821 г. Стихотворение Грибоедову в конце той же тетради помечено «Тифлис, 1821 г.» Таким образом стихотворение «Ницца» написано между апрелем и концом 1821 г. под непосредственным впечатлением событий, свидетелем которых Кюхельбекер вероятно был в Ницце, принадлежавшей тогда к Пьемонту. Это бросает новый свет на прочность и серьезность его политических интересов и увлечений.

Рукопись подготовлена к печати В. Жирмунским.

НИЦЦА

(Kennst du das Land, wo die Zitronen blühn?)

Был и я в стране чудесной,
Там, куда мечты летят,
Где средь синевы небесной,
Ненасытный бродит взгляд,—
Где лишь мул на верьх утеса
Путь находит меж стремнин,
Где в зеленом мраке леса
Рдеет сочный апельсин.

* * *

Край, любовь самой Природы,
Родина роскошных Муз,
Область браней и Свободы,
Рабских и сердечных уз,
Был я на холмах священных,
Средь божественных гробов,
В темных рощах, растворенных
Сладким запахом цветов.

Narya. —

(Bewußt vor dem Herrn und
des Zuhörers Blick?)

Thames & Co. compare reduction?

Thaule, Ryde micro-melancholica,

Тутъ средъ мнѣхъ холостыя,

[illegible]

Тяго иванов муромо на депрессия

Not bad, my dear

W. G. Lee and others' work improved

1900 въ Кисловодскъ и Крымскъ

1968 mty coralline. Unresistant. —

87

Oben und unten

Вакцинация парней и девочек

и сержантъ у зѣ
крадѣ,

A parte duobus, ~~lectura~~^{scripsit} Nijngardbe.

Spiegel der Kunst und Wissenschaften

~~The line or all space between~~

Spelt für meine Freunde und Verwandte.

by means of payment, purchase

Wm. Mumford. Standard Water Co. 1866
47th St

Кюхельбекера „Ницца“

ры, Ленинград

Черновой автограф стихотворения В. Кюхельбекера "Ницца"
Институт Русской Литературы, Ленинград

* *

Дивною твоей луною
 Был я по морю ведом—
 Тьма сверкала подо мною—
 Зыбь горела за веслом—
 Над истоком Полиона
 Я задумчивый стоял,
 Мне казалось, там Миньона
 Тужит между диких скал.

* *

К песне тихой и печальной
 Преклонял я жадный слух
 Из страны, казалось, дальней
 Прилетел бесплотный Дух—
 Он оставил тьму могилы
 Раз еще взглянуть на свет,
 Только край родной и милый
 Даст ему забвенье бед.

* *

На горах среди туманов
 Я встречал толпу теней,
 [Полк бессмертных великанов,
 Ратных, Бардов и вождей
 Вечный Рим, кладбище славы,
 Я к тебе летел душой!
 Но встает раздор кровавый,
 Брань несется в рай земной...]

* *

Гром завоет; зарев блески
 Слепят унылый взор;
 Ненавистные Тудески
 Спустятся с ужасных гор—
 Смерть из тысяч ружей грянет—
 В тысячи штыках сверкнет
 Не родясь весна увянет—
 Вольность не родясь умрет.

* *

Васильковою лазурью
 Здесь пленяют небеса
 [Под решительною бурью
 Здесь не могут пасть леса,
 Здесь душа в лугах шелковых,
 Жизнь и в камнях и в водах!
 Что ж закон судеб суровых
 Шлет сюда и смерть и страх?

* *

Здесь я видел обещанье,
 Светлых, беззаботных дней,
 Но и здесь не спит страданье,
 Муз пугает звук мечей.]

В тетради Кюхельбекера, хранящейся в Институте Русской Литературы Академии Наук, на стр. 33—34 имеется краткий конспект, содержащий имена, хронологические даты, заметки для памяти, извлеченные из исторического аппарата к стихотворениям «Дивана» («Noten und Abhandlungen zu besserem Verständnis des West-östlichen Divans» — «Заметки и статьи для лучшего понимания Западно-восточного дивана»). Из заметок Гете, касающихся истории арабской и персидской поэзии, Кюхельбекер конспектировал первую, собственно историческую часть с начала до главы «Джами» включительно. Из второй части, посвященной вопросам восточной поэтики, — только последняя выписка (главы «Blumen- und Zeichenwechsel» и «Chiffer»). Конспект составлен в 1825 г., так как на стр. 21 той же тетради имеется «Обозрение российской словесности минувшего 1824 г.».

Рукопись подготовлена к печати В. Жирмунским.

WEST-ÖSTLICHER DIWAN

(Историческая Часть)

Сведения о восточных Поэтах.

Евреи.—(Herder u. Eichhorn).

Арабы—Моаллакаты, гимны, победившие при состязаниях до Магомета: повешены на воротах Мекской божницы.—Их 7.—Они принадлежат племени Кораишитов.—

Поэты: Амралкаи, Тарафа, Цохеир, Лебид, Антара, Амри, Гарец.

(Из Поэта после Магомета, но писавшего в духе их).

В полдень поднялись мы юноши в враждебный поход, тянулись всю ночь, будто парящие без отдыха тучи.

Всяк из нас был меч, опоясан мечем, вырван из ножен, блестящий перун.—Они впивали духи сна, но, когда в дремоте склонялись главами, мы поразили их, и их не стало.—

* *

Горе меня не смягчит, само смягчится.

* *

Утомилась жажда копья первым поением, невозбранилось ему вторичное!

* *

Чашу смерти подали мы Гудзелитам; тут засмеялись гиены и ты видел волков: их лица сверкали.

Налетали коршуны; переходили от трупа к трупу и с богатого пира не могли вознестись под облака.—

Персы—

Парсы—

Купель огненная. Поклонение стихиям. Опрятность.—Виноград. Хозру и Ширинь.—Балк. Мобеды. Бармекиды.—

NB. Магомет.—Различие между Поэтом и Пророком. (Разнообразие).

Монтонабби поэт, основатель секты вольнодумцев.

Персияне.

Махмуд Газнанский; цари поэтов. Бастанама, История древней Персии. Анзари-царь.—Ша-Наме, Поэма Фирдузи. Ее оканчивает Эсседи, учитель сего сына Тузкого садовника.—1030.

(Панегирик)

Энвери учился в Тузе. Как сделался Поэтом. Его несчастье за несбывшееся пророчество. 1152.

Низами. 1180. во время Сельшугидов в Генште род. и у Эротик Медшун и Лейла, Хозру и Ширинь.—

Джелаледдин—Руми. 1262. С Отцем из Балка в Мекку, встреча с Аттаром. Мистик. Дидактик.—Ум. в Иконии.

Низам 1160. воевать Сельмугидов.
 в Тендист рад. и у. Эрмиса - Меджиди
 и Лейла, Хозру и Мирани. —

Дислафеджов - 1262. в
 Омиди и в Така и Менау, востр.
 и в А'фаров. ~~Виде~~ Миджиди.
~~Дид~~ Дидаджиди - 1262. в Иран.

Сади 1291. — на 102. году. Уро-
 Сенир Мираски

Тадрис 1389. значить зна-
 щий Коран, и Мираса.

Дшам 1499. 82. году. Сасди-
 миди.

Кинка Штоуов. Мирора мафа
 и в позрив.

Саади 1291.—На 102 году. Уроженец Шираский.
 Гафис 1389. Значит знающий Коран, из Шираса.
 Дшами 1494. 82 году. Соединитель.
 Язык цветов. Шифры места из поэтов.

III. Е. Ф. РОЗЕН (1800—1860)

«Баядера», переведенная Е. Ф. Розеном, предназначалась к напечатанию в 1831 г. в «Альционе», но была запрещена петербургской цензурой (об этом см. ниже в статье С. Рейсера «Запрещенные переводы из Гете»). Печатается здесь по рукописи, находящейся в архиве Государственного Исторического Музея в Москве (в архиве Киреевских), и подготовленной к печати И. Сергиевским. Рукопись не датирована и каких-либо точных указаний о том, представляет ли она собою копию или беловой автограф, не содержит. Почерк дает некоторые основания предполагать последнее.

БАЯДЕРА

(Индийская баллада)

Из Гете

Могаде, земли властитель,
 С неба к нам сошел опять,
 Как простой юдовыйый житель,
 Грусть и радость испытать.
 Так же ведаясь с судьбами,
 Чтоб людей судьбою быть,
 О, небесный, хочет с нами
 Человечески пожить!

И в образе путника, взяв во вниманье
 Веселье младенцев и взрослых дыханье,
 Идет он иные страны навестить.

В вечер город покидая,
 Вышел к крайним теремам,
 Вот! прелестница младая,
 Нарумяненная там!
 «Здравствуй дева!»—В честь привета
 Выйду тотчас!—«Кто же ты?»
 — Баядера я, и это
 Дом любви и красоты!—

И бьет она мерно в кимвалы для пляски;
 Прелестно кружится и, полная ласки,
 Ему, поклоняясь, подносит цветы.

Убеждений нежной силой
 К двери путника манит:
 «Вот сейчас, красавец милой,
 Лампа терем осветит!
 Ты устал ли, я водою
 Боль в ногах твоих уйму,
 Отведу тебя к покою,
 Иль веселием займу!»

С улыбкой видит ее попеченье
 Притворный страдалец: в грехах и растленьи
 Прямое является сердце ему.

Гостю рабски угождая,
 Дева трудится шутя,

И искусница младая
Стала Истины дитя!
Понемногу, после цвета,
Плод растет своей чредой,
И покорность есть примета
Близкой страсти молодой!

Но строже и строже ее испытую,
Всеведец, при ней то резвясь, то тоскуя,
Томится сердечною мукой живой.

Дева чувствует ответно,
Целовать себя дает,
И смущается приметно,
И впервые слезы льет:
Поворотливые члены
Опустились, и она
Упадает на колена
Другу сердцем предана...

Итак, для желанных любви наслаждений
В таинственный полог сливаются тени
Вкруг легкого ложа веселого сна.

Поздний сон за долгим счастьем,
Ночь минутою прошла,
Дева с сонным сладострастьем,
Гостя крепко обняла—
Труп холодный! Крик испуга,
И отчаяния зов...
Ах, уносят сердца друга
И костер уже готов!

Она погребальному пению внимает,
Свирепствует, плачет, толпу разделяет.
«Кто это? зачем ты?» вопрос ей жрецов.

Пред носилками упала:
«Мужа воротите мне!»
И вопила и кричала:
«Я ишу его в огне!..
Эти ль чудные составы
Пламя в пепел обратит!
Ах, одна лишь ночь забавы...
Но он мне принадлежит!..»

И хором поют: «Мы несем для сожженья
И старца, отжившего в дни одряхленья,
И юношу в дни, когда юность блесит».

«Слушай голос нашей веры:
Дева, муж твой не был он.
Мужа нет у Баядеры,
Нет обязанности жен!
Тень лишь следует за телом
Неразлучно к мертвецам:
Лишь супруга славным делом
За супругом, к небесам!..

Труба, изливай заунывные звуки!
 О Боги, прострите вы к юноше руки—
 Среди пламени юноша шествует к Вам!»

Хора мрачными словами
 Девы грудь раздражена —
 С распростертыми руками
 В пламя бросилась она...
 Но Небесный воскресает
 На пылающем костре
 С ним любовница взлетает
 На руках его горе.

Раскаянья ждет от людей Провиденье:
 В объятиях пламенных Бог нам спасенье
 Готовит еще и на смертном одре.

Барон Розен

IV. Ф. И. ТЮТЧЕВ (1803—1873).

В архиве Тютчевых сохранился беловой автограф первоначальной редакции перевода Ф. И. Тютчева из Гете «Приветствие духа» («Geistesgruss»—Hoch auf dem alten Turme steht...). Рукопись эта читается так:

GEISTESGRUSS

Hoch auf dem alten Turme steht... u. s. w.
 (Goethe)

1

На старой башне, одинок,
 Дух рыцаря стоит —
 И, лишь завидит он челнок,
 Приветом огласит:

2

Играла жизнь и в сей груди,
 Кулак был из свинца,
 И богатырский мозг в кости,
 И кубок до конца.

3

Пробушевал полжизни я,
 Полжизни проволок...
 А ты плыви, плыви, ладья,
 Куда несет поток.

Неудовлетворенный этим чтением, Тютчев на другом листке начал его переработку. Первый вариант начальной строки: «Тень богатырская стоит» тут же зачеркивается, а вся первая строфа принимает следующий вид:

Порою богатырский дух
 Стоит на башне там,
 И шлет свои приветы вслух
 Плывущим челнокам:

(Далее обе строфы записываются без помарок)

Кипела кровь и в сей груди,
 Кулак был из свинца,
 И богатырский мозг в кости,
 И кубок до конца.

Leftes Buch.

Soz auf dem roten Rame Schiff ins Meer

(Stelle)

1.

Na Scharon Baum, Odanok,

Myrte Ruzer Scharon

И мени Давидомо-самой

Гривотому пласат: —

2.

Myrte Scharon in der Ruzer

Myrte Scharon in der Ruzer

И Сомырскій мори в Неме

И Рубок до Неме. —

3.

Пробудивши коленина —

Коленина пробавит.

А мы, мени, мени, мени,

Руде мени мени

Пробушеввал полжизни я,
Другую проволоку.
А ты плыви, плыви, ладья,
Куда несет поток.

Средняя и последняя строфы так и остаются без изменения; первая зачеркивается и переделывается вновь:

На старой башне, у реки,
Тень рыцаря стоит —
И, лишь завидит челноки,
Приветом их дарит.

В такой редакции, только с заменой слова «тень» прежним «дух», строфа эта и вошла в первопечатный текст (журнал «Галатей» 1830 г., ч. XVIII, стр. 39; цензурная помета—сентября 19 дня), повторенный во всех изданиях стихотворений Тютчева. Так как одна из рукописей перевода—на бумаге 1827 г., перевод можно условно отнести к периоду 1827—1830 гг.

Автограф этот находится в собрании Н. И. Тютчева в Москве и подготовлен к печати К. Пигаревым.

V. Н. П. ОГАРЕВ (1803—1877)

Первый отрывок—перевод из так называемой «Сцены условий» «Фауста»—с начала сцены («Es klopf? Herein!...»), кончая «Проклятием» («Und Fluch vor allem der Geduld»).

Второй отрывок—оригинальное произведение Н. П. Огарева на тему «Фауста» (как «Сцена из Фауста» Пушкина). Романтическая концепция любви излагается Огаревым в его Profession de foi (1835—1836 гг.; см. «Русские Пропилеи», IV, стр. 138—142). Мотив разочарования в возможности осуществления такой любви связан вероятно биографически с историей расхождения Огарева с его первой женой.

Эти рукописи Н. П. Огарева хранятся в Комнате 40-х годов Государственной Публичной Библиотеки СССР им. Ленина в Москве и подготовлены к печати Я. Черняком.

СЦЕНА ИЗ ФАУСТА

Кабинет.

Фауст. Мефистофель.

Фауст

Стучат? Войди! Кто там опять?

Мефистофель

Я.

Фауст

Ну, войди!

Мефистофель

Три раза должен ты сказать.

Фауст

Да ну — войди!

Мефистофель

Так нравишься мне ты!

Поладим мы, надеюсь, меж собою!

Чтоб разогнать твои мечты,

Являюсь я перед тобою —

Одет природным дворянином:

В фуфайке красной с золотой каймой,

В плаще из ткани шелковой,

С пером на шляпе петушиным

И с длинной заостренной шпагой.

Прими ж совет ты от меня:
Скорей оденься так, как я.
Потом, исполненный отвагой,
Со мною отправляйся в путь —
Значенье жизни развернуть.

Фауст

Во всяком платье, кажется, страданье
Я жизни узкой стану ощущать;
Я слишком стар, чтоб только мне играть,
И слишком молод, чтоб не знать желанья.
Что может этот мир мне дать?
Терпеть ты должен и страдать!
Вот эта песня ввек поется
И в уши каждому одна
Всю жизнь звучит, звучит она
И все хриплее раздается.
Я с ужасом поутру пробужден,
Готов заплакать горько от страданья,
Что новый день я видеть осужден,
И что не выполнит мне он
Ни одного, ни одного желанья;
Что даже мне испортит он скорей
И самое предчувствие наслажденья
И кучею разрушит мелочей
В живой груди возникшее творенье.
А ночь придет, все так же я
Взволнован на постель кидаюсь,
И тут покой бежит меня:
Я снами дикими пугаюсь.
Тот бог, который жив в моей груди,
Меня порою глубоко тревожит,
Он властвует над силами души,
Но в внешность их вдохнуть не может,
И мне существовать — тоска,
Отраднa смерть, а жизнь горька.

Мефистофель

А все ж, как смерть нас посещает,
Отрады в этой гостье нет.

Фауст

Блажен, кому она среди побед
Чело кровавым лавром осеняет,
Иль после пляски резвой свой привет
В объятьях девы посылает.
О если б мог пред силой духа я
Упасть в восторге без дыханья.

Мефистофель

А кто-то ночью темной сок
Недавно проглотить не мог.

Фауст

Подсмотрщик ты, я замечаю.

Мефистофель

Не все, но многое я знаю.

Фауст

О! Ежели знакомый, сладкий звук
 Меня исторг из тяжкого страданья
 И обольстил прекрасный дней отзвук
 Остаток детского воспоминанья:
 Я проклиная силу грез,
 Что душу блеском обольщают
 И лестью в эту бездну слез
 Ее безвыходно ввергают.
 Проклятие возвышенному мненью,
 Что дух имеет о себе самом.
 Проклятие явлениям, что кругом
 На чувство нам наводят ослепленье.
 Проклятье лицемерным снам
 И словолюбия мечтам!
 Всему, что нас в видении прельщает—
 Жене и детям, плуту и рабу!
 Маммоне, что богатую судьбу
 Сулит и к смелым подвигам толкает.
 Иль ложе расстилает нам,
 Где ждет нас лени отрада!
 Проклятье соку винограда!
 Любви нежнейшей сладким снам!
 Надежде! вере! К довершенью,
 Проклятье пуще терпенью!

СЦЕНА ИЗ ФАУСТА

Вечер. Улица близ дома Маргариты.

Мефистофель и Фауст.

Фауст

Да, я люблю! О дивное созданье! —
 Ты обещался мне ее достать,—
 Держи же слово... и без отлаганья.
 Ступай!.. Постой!.. Еще забыл сказать:
 Хочу, чтобы она меня любила,
 Душой любила б, поняла б меня,
 Чтоб сердцу девушке доступно было
 Все, чем страдаю, наслаждаюсь я.
 Я думал: все равно, во что бы то ни стало,
 Пусть будь она глупа, была б моя...
 Ошибся! Этого теперь мне мало,
 К союзу душ теперь стремлюся я.

Мефистофель

И прав Мефисто! Кто сказал тогда же,
 Что невозможно девочке простой
 Дать наслаждение Фаусту?—Все я же,
 Твой верный друг, слуга покорный твой.
 Я говорил: ей надо воспитанье;
 Глупа—что делать—поискать другой.
 А ты в ответ, мне будто в посмеянье,
 Сказал: «Годится так!»—Нет, доктор мой,
 Я прав! Возьми ее на испытанье.

Сцена из Фауста

Кадетство.

Фауст. Мефистофель.

Фауст.

Стучать? Вон! Кто там? Кто там? Кто там?

Мефистофель.

Я.

Фауст.

Ну вон! Вон!

Мефистофель.

Три раза должен ты сказать.

Фауст.

Да ну — вон! Вон!

Мефистофель.

Тяжко правился мне ты.

Полодишь ли, надоесть, меня себе?

~~Вот я предстану перед тобою,~~

Ты же разгонишь меня и

Заблудишь перед тобою —

Вот ты природный дворянин.

Ну, фривольно, красной во злости, как мой,

Вот плащ из ткани шелковой,

Вот перо на штык потусишь

И во длинной заостренной шпаге.

Примишь собою ты от меня:

Скорый одыше ^{ты} как — я, —

Потом, испоменишь отвали,

Со мною отпавшись во пучок —

Значенье жизни развешу.

Фауст

Да, да! Родную душу надо мне.
В ее глазах есть ум, я это видел;
Ее возвышу я—и в тишине,
Отбросив все, что в жизни ненавидел,
Всю прозу мелкой, пошлой суеты
И черствый сор всех докторских занятий,
Я с ней войду в прекрасный мир мечты,
Забудусь в роскоши ее объятий.

Мефистофель

Пора! Ее пойду я поучить,
Как две души живут в соединении.

Фауст

Как! Ты ее мне хочешь воспитать?
Да разве чорту дам я позволение?
Ты—женщину учить! Чему же ты
Ее научишь, гнусное создание!
Ты черств и жесток. Весь мир твоей мечты
Есть формула сухая, без желанья
Прекрасного. Не надо тут тебя,
Ты математик славный и не боле...
Лишь я ее возвышу до себя.

Мефистофель

Ученый друг мой, это в вашей воле.
Вот и она.

Гретхен (тихо проходит и поет)

Увидала, полюбила,
Полюбила всей душой;
Глаз с него я не сводила
И все шепотом твердила:
Как хорош ты, милый мой!
Как хорош ты, я сказала,
Не рассталась бы с тобой,
Все тебя бы я ласкала,
Для тебя бы потеряла
Сердца юного покой...

Фауст

Он здесь, твой друг!

Гретхен

Ах! это вы...

Фауст

Дитя!

Звала меня, пришел я—испугалась.

Гретхен

Опять!

Фауст

Мой милый друг, люблю тебя!
С тех пор, как ты со мною не видалась,
Я думал о тебе; хотел взглянуть
На милый стан, на глазки голубые,
На плечике главою отдохнуть,
Лобзать тихонько кудри шелковые.

Г р е т х е н

Ты сладко говоришь, Но вы, друг мой,
Мужчины—вы всегда так говорите,—
Соскучились—и ищите другой
Любви, а ту и знать уж не хотите.

Ф а у с т

Тебя ль любить мне перестать!
Да я дышу тобой,
И целый мир готов отдать
За поцелуй я твой!

Г р е т х е н

О! Еслиб так и в самом деле было.
Тебе я верю, Гейнрих, как дитя.

М е ф и с т о ф е л ь

Я жду. Что ж, ваше докторство, забыли.
Что вы учить хотели не шутя.
Вы цаловаться, нежничать готовы,
Вводить же в мир возвышенной мечты
В помине нет, о нем уж и ни слова.
О! Поцелуй земной, как силен ты!

Ф а у с т

Сейчас, сейчас, спутник мой докучный,
Я не забыл. Всего нельзя же вдруг.

(Маргарите)

Мне тесен город стал пустой и скучный,
Куда-нибудь мы удалимся, друг.
Пойдем туда, на берег синя моря,
На солнце взглянем там в вечерний час
И взором погуляем на просторе,
И говор волн пусть услаждает нас.
Душа в мечтах далеко унесется,
И на высокие стремленья нам
Торжественно природа отзовется.
Я брошу книги. Вагнеру я сдам
Занятье скучное—перед толпою
Учеников понятий строгий ряд
Вытягивать с бездушной пустотою,
Рядить их в схоластический наряд.
Лазурь небес, да очи голубые,
Живую жизнь в природе и любви,
Вот я чего хочу. Часы такие—
Пусть будут лучшие часы мои.

Г р е т х е н

Уехать, Гейнрих, хочешь ты со мною?
Изволь... да разве здесь не хорошо для нас?—
У дома сядем вечерком с тобою,
Я стану прясть и то-то в поздний час
Наговоримся мы, о друг мой милый,
Так просто и доверчиво,—а там
Придет соседка Марта. Все, что было
Поутру в городе, расскажет нам.
Здесь славно! Здесь по праздникам гулянье:
Народу сколько! Мы туда пойдем с тобой.

М е ф и с т о ф е л ь

Ученье плохо, доктор.

Ф а у с т (Маргарите)

Но желание

Обнять прекрасный мир живой душой,—

Ужели ты его не понимаешь?

Г р е т х е н

Конечно, друг мой, хорошо оно.

Учился много ты и много знаешь,

Как богом в мире все сотворено,

Как все живет и с целью создавалось

Какой—все знаешь ты. А мне где знать!

Я в простоте родилась, воспиталась...

Любить я знаю, знаю целовать.

VI. Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ (1828—1889)

Рукопись перевода «Бога и баядеры» хранится в Доме-музее им. Н. Г. Чернышевского в Саратове и подготовлена к печати В. Каплинским. Согласно указаниям сына писателя—М. Н. Чернышевского, стихотворение нужно датировать 1852 годом. Автограф представляет черновик с пометками, вариантами и вставками. Приводим окончательный текст перевода.

В рецензии на «Собрание чудес, повести, заимствованные из мифологии» Готорна, СПб, 1860 («Современник» 1860 г., № 6) Чернышевский с высокой похвалой отзывался об этой балладе Гете.

[БОГ И БАЯДЕРА]

I

В шестой раз отец творенья,

Магадэва сходит к нам;

Смертных радость и мученье

Да изведает он сам.

Да, как гость земного края,

Сохранит его закон,

И щадя или карая —

Человеком будет он.

И город, как путник, везде обходил он,

На сильных взирал он и слабых хранил он,

И вечером дале пускается в путь.

II

Вот выходит он и вскоре,

Домы крайние пройдя,

Видит он—с огнем во зоре

Сладострастия дитя.

Он сказал ей: «Здравствуй, дева!»—

«Здравствуй, путник! Подожди».—

«Кто же ты?»—«Я—баядера,

Пред тобою дом любви».

Она ударяет в цимбалы и мчится:

Она так искусно, так страстно кружится,

Сгибается, гнется и кажет цветы.

III

Речь ее звучит отрадой:
«Милый странник, кончен путь;
Скоро тихою лампадой
Озарится наш приют.
Ты устал, тебя обмою,
Освежу тебя я вновь.
Что ты хочешь? Пред тобою
Отдых, радость и любовь».
Она услаждает устами и горе.
Божественный видит, с улыбкой во взоре,
Прекрасное сердце сквозь тяжкий порок.

IV

Он услуг рабы желает.
Новой радостью полна,
Все веленья исполняет
Гостя юного она.
Так весною плод желанный
За цветком родится вновь:
И спешит в душе избранной
За покорностью любовь.
Но строже и строже ее испытанья:
И радость, и ужас, и муки страданья
Послал ей постигший и глуби и высь.

V

Он в чело ее целует —
И в душе любовь зажглась.
И стоит она, тоскует,
Льются слезы в первый раз.
Обняла его колена;
В ней уж нет страстей земли,
И ее молодые члены,
Истомясь, изнемогли.
И к пиру ночному живых наслаждений
Раскинули быстро вечерние тени
Роскошные ткани с небесных высот.

VI

В наслажденьях ночь проходит,
Но очнувшись ото сна,
Юношу она находит —
Мертвым юношу она.
С воплем друга обнимает,
Но он спит глубоким сном,
И костер уже пылает
Чернопламенным столбом.
К ней песни могильной доносятся звуки,
И с воплем ужасным неслыханной муки
Она упадает без чувств пред костром.

VII

Голос дикий от испуга
Раздается в тишине:

«О, отдайте мне супруга!
 С ним погибнуть дайте мне!
 Как? ужель краса вселенной
 На сожогенье расцвела?
 Нет, о мой, о несравненный!
 Ночь одну я с ним жила.
 Жрецы вторят гимны: «И старцев согбенных,
 Измученных жизнью, годами смиренных
 И пылкую юность к могиле несем.

VIII

Вспомни голос нашей веры:
 Не был он супруг тебе.
 Долга нет для баядеры —
 Покорись своей судьбе.
 Лишь за телом тень стремится
 В недра холодные земли:
 Лишь супруга может льститься
 За супругом перейти.
 Звучите, о трубы, священные песни!
 Возьмите, о боги, цвет жизни прелестный!
 Возьмите во пламени юношу к вам!»

IX

Так безжалостно ей муки
 Умножает строгий хор,
 И она, простерши руки,
 В жаркий рухнула костер.
 Но из пламенного круга
 Дивный юноша встает
 И влюбленную подругу
 На руках своих несет.
 С весельем раскаянье боги приемлют;
 Бессмертные падших охотно подьют
 В объятиях пламенных к светлым звездам.

VII. А. К. ТОЛСТОЙ (1817—1875)

В записной книжке А. К. Толстого, находящейся в Рукописном отделении Института Русской Литературы Академии Наук, сохранился перевод двух песен Клерхен из «Эгмонта»: «Freudvoll und leidvoll» и «Die Trommel gerühret». Рукопись подготовлена к печати В. Жирмунским.

Датируется книжка юмористическими немецкими стихами А. К. Толстого на следующих страницах, в которых упоминается о Карлсбаде и недавней встрече с директором Венского театра Лаубе (30 июня 1868—по письмам к С. А. Миллер. Соч., т. IV, стр. 145); кроме того в книжке имеются записи, помеченные августом. Таким образом перевод сделан во время заграничного путешествия, вероятно в августе 1868 г.

Радость и горе, волнение дум,
 Сладостной мукой встревоженный ум,
 Трепет восторга, грусть тяжкая вновь,
 Счастлив лишь тот, кем владеет любовь.

